УДК 114/115(=512.157)

DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129

Национальная культурная специфика понятий «центр» и «периферия» в якутском языке

И. Б. Иванова, С. Е. Ноева (Карманова)

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ ЯНЦ СО РАН
Якутск, Россия*

Аннотация

Предпринята попытка исследования национально-культурной специфики системы мер длины в якутском языке. Основная цель связана с рассмотрением проблемы трансформации модели художественного пространства, меняющейся структуры национальной картины мира. На основе мифо-фольклорных источников, историко-культурных представлений и языкового материала народа саха изучаются особенности выражения мер дали и близости, участвующих в репрезентации понятий «центр» и «периферия». Объектом изучения явились два сегмента якутского мира: освоенное близкое пространство *туөлбэ* (обжитое пространство якута), состоящее из топологической реальности *тиэргэн-двора* (дома, юрты, урасы), сенокосных, охотничьих угодий, и не освоенный якутом чужой далекий мир в виде темного леса, песчаных пустынь, болотистых местностей, заброшенных домов, ущелий, пещер, в которых презентуются совершенно различные характеристики и способы мер длины. Помимо физической географической реальности в аспекте данного исследования рассмотрены понятия ирреального пространства – *Отугэн төрдө, Ньүкэн түгэсэ, Өлүү чөркөчүөх* – мифологические образы далекой темной периферии, преимущественно обозначающие территории демонов. Особое внимание авторов статьи направлено на специфику культурно-языковых модификаций, отражающих сложный процесс отношений между человеком и осваиваемым им миром, то есть эволюции ландшафтного сознания человека, претерпевающего изменения от природно-географических до социально-культурных реалий, сакральных объектов пространства. Целью данного исследования, предполагающего новый подход в решении проблемы отношений человека и мира, обусловлен междисциплинарный характер статьи, в пределах которой достаточно четко очерчен широкий круг проблем современной якутской науки, касающиеся этнолингвистики, геоэтики, этнокогнитивистики, лингвофольклористики и др.

Ключевые слова

якутский язык, геоэтика, лексика, центр и периферия, оппозиция свой-чужой, физическая и сакральная география

Для цитирования

Иванова И. Б., Ноева (Карманова) С. Е. Национальная культурная специфика понятий «центр» и «периферия» в якутском языке // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 3. С. 120–129. DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129

National Cultural Specificity of the Concepts “Center” and “Periphery” in the Yakut Language

Irina B. Ivanova, Sargylana E. Noeva (Karmanova)

*The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS
Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

The article describes the national cultural specificity of the system of length measures in the Yakut language, both physical and figurative. The issue under study is transformation of the imaginary space model and its evolution in the national worldview. On the basis of mythological and folklore sources, historical and cultural ideas and linguistic ma-

© И. Б. Иванова, С. Е. Ноева, 2019

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Том 17, № 3
Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2019, vol. 17, no. 3

terial of the Sakha people peculiarities of defining close and far worlds, short vs. long distances involved in the representations of the concepts “center” and “periphery” are discussed.

The object of the study was the two segments of the Yakut world: the close (familiar) space of *tyelbe* (it is mastered, explored and exploited), embracing the topological reality of the tiergen ‘yard’ (house’s, *yurta*’s, *urasa*’s), hay fields, hunting grounds, on one hand, and undeveloped Yakut alien distant world, a dark forest, sandy deserts, marshlands, cemeteries, abandoned houses, gorges, caves, on the other. These two segments represent their completely different characteristics as well as different ways of measuring space and time, length or distance. Special attention is paid to the specificity of their cultural and linguistic modifications, reflecting the complex history of relations between man and the world mastered by him. These illustrate the evolution of human landscape consciousness, its development from natural geographic realities to socio-cultural ones, including sacral space objects. In addition to the actual geographic reality, in terms of this study, the concepts of surreal space are considered – *Etygen terde*, *Nyyken tygege*, *Olyy cherkecheyeh*, mythological images of the distant dark periphery – mainly denoting demonic territories.

The purpose of the study being to propose a new approach to describing man -- world relationship, predetermines the interdisciplinary nature of the article, which clearly outlines a wide range of issues of modern Yakut scholar ethno-linguistics, geo-poetics, ethno-cognitive science, folk culture, etc.

Keywords

Yakut language, geo-poetics, lexis, center / periphery, friend / stranger, in-group/out-group opposition, physical vs. sacred geography

For citation

Ivanova, Irina B., Noeva (Karmanova), Sargylana E. National Cultural Specificity of the Concepts “Center” and “Periphery” in the Yakut Language. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2019, vol. 17, no. 3, p. 120–129. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2019-17-3-120-129

Введение

Проблема земли, «освоение» ее культурных территорий имеют высокую степень актуальности в разных исследовательских контекстах, в том числе в трудах гуманитарного характера. Адаптация человека к жизни на севере происходила через приспособление его к деятельности, связанной с постижением земли, – это ремесленничество, кочевое оленеводство, охота, рыболовство, отгонное скотоводство, собирательство, мотыжная обработка земли и др., полноценное осуществление которых реализуемо только при условии открытости сознания обживаемому пространству. Внимательно вглядываясь, измеряя, оценивая географическую реалию, человек максимально приспосабливается к окружающей его среде – трансформируется сам внутренне и находит свое место в окружающем его пространстве. Эта трансформация, происходящая с человеком, заключающаяся в духовно-нравственном обогащении, изменении его восприятия мира, связанная в первую очередь с понятием идентификации, выявляется в его способности к рецепции мира через отношение к понятиям центра и периферии, расстояния, дали и близости.

1. Меры длины, используемые в географическом пространстве Центральный освоенный мир

Как известно, понятие национального космоса якута составляет трехуровневая вертикальная модель мира: верхнего – небесного, среднего – земного, нижнего – подземного, которые соединяет установленная мировая ось, Мировое древо Аал Луук Мас. Средний мир, или центральный мир, иначе «орто дойду», именуется якутом как «дойду», «аан ийэ дойду», «орто бараан дойду», «төрөөбүт дойду», «сир-дойду», «сир ийэ», «күн сирэ», «ийэ буор», «төрөөбүт буор» и др.

Стоит отметить, что понятие Центра (Оси) является одним из важных в космической картине каждого народа и выражает точку отсчета в пространственном измерении его мира. Практически любой этнос имеет свой Центр (сакральная вертикаль может быть в виде храма, башни, алтаря, могучего дерева, священной горы и др.). Горизонтальная модель обжитого близкого *туөлбэ* якута в виде дома (балагана, урасы) отмечена как центр пространства и, в свою очередь, делится на несколько сегментов. К реально освоенной локальной терри-

тории – *тиэргэн* (состоящей из жилища-юрты, *урасы*, центр которой обозначен *коновязью-сэргэ*) примыкает *дал* ‘загон для скота’, *хаһаа* ‘конюшня, стойло’. Далее в понятие Центра (Оси) за кругом по степени отдаления от него к периферии расположены сенокосные угодья *ходуһа* ‘луг’, *отоннуур сирдэр* ‘ягодные места’, *мэччирэн сирдэр* ‘пастбища’, *булт сирдэрэ* ‘охотничьи угодья’. По этимологии *сир* восходит к древнетюркскому слову *йир*. К *йир-сүв* (букв. ‘земля-вода’) добавлялся также эпитет *ыдук* ‘священная’.

Понятие «дом», состоящее из образов *дыз*, *алаһа*, *өтөх*, занимает центральное место в картине мира якута и воспроизводит логические звенья смыслов, связанные с рождением, теплотой, любовью, счастьем, безопасностью и пр. смысловыми нагрузками.

Из них лексема *өтөх* имеет двоякое значение – в первом случае в традиционном понимании означает ‘отчий дом, местность, где родился, откуда родом человек’: *Өтөбүттэн өнүйбэтэх (өннүбэтэх)* ‘тот, кто не отлучался из родных мест, не выезжал в дальние края’; *Өтөххүн быс* ‘отправляться домой’.

Во втором случае *өтөх* имеет семантическую характеристику «покинутый, старый, ветхий дом», но при этом употребляется в смысловом ряду наравне с понятиями «предок, род, корни», тем самым обладает маркером сакральности. Здесь нужно отметить, что иногда в понимании якута места, наиболее сакрально значимые для него (даже когда речь идет о родном доме), могут оставаться в периферии за освоенным человеком пространством – и это может быть связано с проявлением почитания предков и поклонения им. Поэтому слово *өтөх*, хотя и называет заброшенный дом, занимает сакральное место в восприятии мира якута наряду с другими священными местами – шаманскими захоронениями (*ойуун арангастара*), могилами предков (*өбүгэлэр унуохтара*), сакральными природными местами (*айылба ытык сирдэрэ*) и топологически прикреплено к периферии.

В процессе самоидентификации человек определяет свое место и роль в окружающем мире, как правило, ориентируясь между центром и периферией – и здесь им используются национальные единицы измерения длины и расстояния, которые закрепились и получили распространение в фольклорно-художественных текстах, фразеологических оборотах или же частично сохранились в разговорной речи народа и применяются по сей день.

Длина – физическая величина, определяющая расстояние между двумя наиболее удаленными точками одного предмета, измеренное горизонтально, в отличие от высоты, которая измеряется в вертикальном направлении, и ширины или толщины, которые измеряются поперек объекта (под прямым углом к длине) [Fullmer, 1966. С. 102]. Измерение длины, выражающей расстояние преимущественно в радиусе «своего», безопасного для человека мира, его дома, начинается с собственно самого человека: мера длины использует части его тела, головы (*ытыс* ‘ладонь’, *мурун* ‘нос’ и *харах* ‘глаз’). К примеру, словосочетания *Муннун анныттан* ‘из-под самого носа, с самого близкого расстояния’ (напр., *удирать*). *Муннун анныттан ыраабы көрүмэ* ‘Не видеть дальше своего носа’; *Харах ыларын тухары (харах ыларынан)* ‘Насколько хватает (видит) глаз’ используются для определения расстояний в пределах близкого и освоенного пространства.

Другие фразеологизмы с компонентами *харах* ‘глаз’, *ытыс* ‘ладонь’ с различными значениями, как *хараххын быраба сырыт*, *хараххын кэбис* ‘время от времени наблюдать за кем-либо’, *харах холооһунунан* ‘на глазок’ и др., *ытыһын иһигэр баар*, *ытыһын далыгар* ‘букв. вертеть как хотеть; распоряжаться кем-либо по своему усмотрению; держать около себя’ и др. также несут смысловую нагрузку, выражающую максимально близкое, рядом находящееся с человеком.

Помимо этого в измерении небольшой длины, которую можно измерить руками или другими частями тела человека, широко распространились общетюркские термины измерения длины и расстояния:

Слово *тутум*, образованное от глагола *тут* ‘держат’, имеет значение ‘мера длины, равная высоте сжатого кулака, или ширине четырех пальцев’.

Единица измерения *сүөм* ‘вершок’ – мера длины, равная расстоянию между концами большого и указательного пальцев (18–20 см); пядь. Ср.: кумык. *сюем*, ног. *сүөм* [Асадулаева, 2014. С. 23].

Термин *харыс* ‘пядь’ – мера длины, равная расстоянию между концами до отказа раздвинутых большого пальца и среднего – 20–25 см. Ср.: кумык. *къарыш*, ног. *карыс*, кирг. *карыш*, башк. *карыш*, хак. *харыс* [Асадулаева, 2014. С. 23]. [Сабы] 3–4 *харыстан* ордук уһун *гымматтар* ‘Нитку делают не длиннее 3–4 харыс’.

Единица измерения *былас* ‘маховая сажень, размах’ (1,76 м – старая русская мера длины, равная расстоянию между концами средних пальцев раздвинутых в стороны рук) [ТСЯЯ II, 2005. С. 693], обхват чего-либо (например, талии, бедер человека). Слово *былас* до революции служило для обозначения якутской меры длины стога сена. *Былас* ‘сажень’ применительно к данной мере равнялся в среднем четырем аршинам, или 2,84 м [ТСЯЯ Б II, 2005. С. 694]. Якутский народ использует словосочетания *дубук былас* ‘чуть меньше маховой сажени’, *нуучча былаһа* ‘три аршина’ – 2,134 м, *уунар былас* – мера длины, равная расстоянию от кончика большого пальца левой ноги до третьего сустава (основания) среднего пальца вытянутой вверх правой руки ‘косая сажень’, 2,48 м.

Лексема *арсыын* ‘аршин, түөрт сүөм кэринэ’ (арсыынай табаар; арсыыннаа). Ср.: кумык. *ар*, *аршын*, ног. *аршын*, карач.-балк. *ар*, хак. *аршийн* [Асадулаева, 2014. С. 23], в которых единицами мерила являются пальцы, руки человека.

Мера саһаан ‘сажень’, заимствованная из русского языка, равная 2,134 м, также относится к категории мер, используемых внутри «своего» пространства. *Бэчээтинэй саһаан* ‘полномерная, большая сажень’ (210–213 см). В слове сажень присутствует древний праславянский корень **seǵъ*, **seǵenъ*, связанный с глаголом сгать «протягивать руку» [Лебединская, 2014, С. 110]. Термин *саһаан* также используется при измерении длины веревки, нитки, проволоки, салама и др.

Периферия

По мере отдаленности от центра в процессе движения к периферии характер измерения длины, степень оценки протяженности между предметами начинает меняться¹. Для определения расстояния между предметами используются термины параметрии с функционально-семантической нагрузкой динамической возможности человека, в которых основное значение отводится его потенциалу передвигаться, ехать на лошади, стрелять и пр.

Среди маркеров осязаемого расстояния используется фразеологическая единица *саа тэбиштэ* ‘выстрел ружья’ – обозначение конкретного расстояния ружейного выстрела, не превышающего 50 м.

Следующим измерителем расстояния или длины в один метр служит лексема *хаамы* ‘шаг’. *Уонча хаамылаах сиргэ баар* ‘Находится в 10 шагах’.

Расстояние в один километр обозначается словом *биэрэстэ* ‘верста’, которое также заимствовано из русского языка, равна старой русской мере длины около 1,06 км. Ср.: хак. *версга*, ног. *шакырым*, башк. *сакрым*, кумык. *чакъырым* [Асадулаева, 2014, с. 23]. *Абыйах биэрэстэлээх сир* ‘Недалеко, всего несколько верст’. Верста – самая распространенная единица измерения больших расстояний в России в XIX в. [Лебединская, 2014. С. 108–118].

Для обозначения примерно 10 км используется термин *көс* ‘якутская мера длины, равная примерно 10 км’ (Ср.: др. тюрк. *көч.*, каз. *көш* [ЯРС, 1972. С. 182]. Есть понятие *тыыллар көс* ‘самый большой көс’. Э. К. Пекарский в «Словаре якутского языка» указывает, что *көс* имеет несколько видов: *сатыы көс*, *сатыы куннук* – 7–8 км, *ат көһө* ‘конная миля – 10 верст’, *си-*

¹ Judson L. Calibration of Line Standards of Length and Measuring Tapes at The National Bureau of Standards. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GOVPUB-C13-4897c508a3a9e5e445c66591da704b30/pdf/GOVPUB-C13-4897c508a3a9e5e445c66591da704b30.pdf> (accessed 13.04.2018).

элэр ат көһө – ‘миля бегущей рысью лошади’ – 13–14 км, *обус көһө* ‘бычья миля’, *тишин көһө* ‘белчья миля; переезд, который делает тунгус во время кочевания при охоте на белку’ [Пекарский, 1959. 1170 стлб.]. Фразеологическая единица *көстөөх сир* ‘далеко находящееся место’ образно выражает довольно далекое расстояние.

Для измерения протяженности расстояний ощутимой дали, характеризующих малозаселенные небезопасные чужие земли, обычно использовались сочетания названий времени и проходимого пространства. Максимально большие расстояния измерялись днями, переходами, привалами. День пути условно равен 35–40 км для пешего путешественника и 50–70 км для конного. Выражение *күннүк сир* – расстояние, проходимое путником за день (примерно с семи часов утра до семи часов вечера). В казахском языке данная параметрия используется активно: *күндік жер*. Также можно определить расстояние по слуху или визуально: расстояние, на котором можно услышать крик человека, животных, топот коня и др. Аналогичным образом определяли расстояние славянские, финно-угорские, тюркские и многие другие народы [Лебединская, 2014. С. 214].

Для обозначения длинного расстояния, более-менее знакомого пространства Среднего мира, используется маркер большого расстояния, фразеологическая единица *бардар бараммат* ‘беспредельное, безграничное расстояние для ходьбы (например, о дороге, о поле и др.)’. Данная фразеологическая единица используется для определения широкой площади. *Бардар бараммат киэн ходуһа* ‘Преширокое поле’.

Для якута топосами, расположенными за центром, то есть хтоническими, древними, не поддающимися освоению, потому и имеющими маркеры «страшного мира», являются ущелья, пещеры, болотистые места (*маар* ‘болотистое место, марь’, *бадараан* ‘болото’, *кута сирдэр* ‘топь’), *хараҥа ойуур* ‘темный лес’, *тукулааны* ‘песчаные пустыни’, заброшенные жилища, кладбища и др., находящиеся далеко за границей освоенного пространства.

В использовании имени существительного *түгэх* в значении ‘дальняя часть, сторона чего-либо; самая дальняя окраина какой-либо местности’, как нам кажется, наиболее ярко аккумулярован отпечаток особенного мировосприятия якута, который делил окружающее его пространство на свое центральное и чужое периферийное, где *түгэх* ‘край, окраина, далекая сторона’ имеет все свойства далекого, темного, неизведанного, глухого мира.

Дальние страны, о которых якут имеет нечеткое представление в силу большей удаленности от освоенного центра, оцениваются как *хол дойду*, *тэҕил дойду* ‘дальние страны’. *Тэҕил дойдуга тэннээбин*, *Хол дойдуга холооннообун булбатах*. *Үс дойдуттан* ‘со всего света; со всех концов света. Букв. С трех стран’.

Смысловое поле слов, связанных с далью и плохо усвояемыми территориями, нечеткими пространственными ориентирами, дополняется использованием понятия ‘наугад, непонятно куда’ в якутском языке и выражается фразеологическими единицами, содержащими в себе компоненты *бас* ‘голова’ и *атах* ‘ноги’: *атах балай бар* ‘идти куда глаза глядят, куда ноги несут’, *бас быстарынан* ‘очертя голову’, *атах балай (атах мээнэ)* ‘(идти) куда глаза глядят, без цели, наугад’. *Атах балай барбыт сылгылар эһэ-бөрө сиэнэ буолбуттар*. Күннүк Уурастыырап [ТСЯЯ I, 2004. С. 640]. В них говорится, что разумное животное потеряло голову и ноги его стали как будто «слепые», не ведают, куда идут.

Название задней части ступни человека *тилэх* ‘пятка; пятки’ в якутском языке, семантически близкое к *атах*, часто упоминается в основном в описаниях типа *тилэҕэ хараарда*, *тинилэҕэ харааран хаалла* ‘букв. только пятки засверкали; убежал’; *тилэҕин элэтэр* ‘букв. натер пятки; много, часто ходить куда-либо’; *тилэх баттаһан* ‘по пятам гнаться; преследует, догоняет’. В них *тилэх* ‘пятка’, так же как *атах* ‘нога’, как самая нижняя часть человеческого тела, используется в глагольных фразеологизмах со значением ‘гнаться, убежать, много ходить’. А единица *тилэххинэн тэнит* переводится буквально ‘пятками своими расширять’, имеет значение ‘обойти много мест, побывать во многих местах’.

В определении границ пространства знаковое значение отводится понятию «Сибирь». В зависимости от контекста *Сибирь* имеет функционально-семантические характеристики

огромной, широкой территории или далекой окраины. Компонент *сир* ‘земля’ в паре с топонимом *Сибиир* ‘Сибирь’ обозначает необъятное пространство, у которого не видно ни конца, ни края: *Сири-сибири бараабыт киһи* ‘человек, побывавший во многих местах, объехавший всю страну’. Понятие *Сир уһуга* ‘край света’ для якутов центральных районов обозначает Крайний Север или Сибирь: *Сир быстар уһугар, хоту дойдуга, Сайаҕас уолчаан олорто*. С. Данилов [ТСЯЯ, VIII, 2011. С. 425]. ‘На самом краю земли, на Крайнем Севере, жил-был приветливый мальчик’. *Өскөтүн, наада буоллабына, Сибииргэ, сир уһугар барыам, ол туһугар санаабын хамсатыма*. «Кыым» ‘Не волнуйся, если понадобится, поеду в Сибирь, на край света’.

В традиционном миропонимании саха центр обладает маркерами безопасной, родной, теплой среды. Роль долины Туймаада (долина, расположенная в Центральной Якутии, место жизнеобустройства предков саха, где стоит нынешний город Якутск) в картине мира саха аналогична по своей смысловой нагрузке центру Вселенной.

В. Н. Топоров определяет степень усиления сакральности пространства по мере движения к центру, внутрь: с одной стороны, в горизонтальной плоскости Космоса развитие сакральности усматривается «через ряд как бы вложенных друг в друга “подпространств” или объектов (типовая схема: своя страна – город – его центр – храм – алтарь – жертва)», с другой – в вертикальном разрезе Вселенной небесный конец “мировой оси”, т. е. абсолютный верх, является наиболее сакрально отмеченной точкой [Топоров, 1983. С. 256–257].

Роль *axis mundi* (мировой вертикали) в якутской картине мира выполняют гора Чочур Мыраан, занимающая особое место в ритуально-обрядовых действиях; уникальные скалы Ленские Столбы, стоящие вдоль берега великой реки Лена; священная коновязь-сэргэ, установленная посередине якутского двора и др. Это сакральные образы, являющиеся воплощением центра мира. Шаманское дерево, в котором гнездятся души будущих шаманов, также выполняет значимую роль вертикали-оси в якутской культуре². Могильный лабаз (аранас) родоначальника Мунньан Дархана (*аранас* ‘конструкция для погребения, так называемое воздушное захоронение, когда на восьми столбах устанавливается ящик с телом усопшего’) и священная гора Хоту Ытык хайа, где покоятся культурные герои народа саха Элляй и Омогой – образы с вертикально направленным вектором в Туймаде также указывают на особую знаковую роль данной топологической реалии в культуре саха. Стоит согласиться с мнением У. Ханнерса о том, что «центры являются таковыми в основном по историческим или мифическим причинам, поскольку что-то произошло там однажды в прошлом или произошло там впервые» [Hannerz, 2015. Р. 308].

В противоположность данному центру периферийное положение занимают Глухой (то есть далекий) Вилюй, Туманнаах Түбэ, Түнкэтэх үрэх, горы Верхояня, Оймяконья, территория Бодайбо и т. д., имеющие свойства далекого, чуждого, темного, неясного, страшного, хаотичного, глухого, холодного пространств.

В контексте бинарной оппозиции «свой / чужой» интересное раскрытие получает антиномия понятий *тон* ‘мерзлый’ и *приэнэх* ‘талый, насыщенный влагой, растаявший’. От прикреплённости к определенным координатам пространства (центру или периферии) зависит специфика самоидентификации человека. Иначе говоря, саха, идентифицирующий свое «Я» с центром, воспринимает людей из периферии Вилюя, Оймяконья, Верхояня в качестве *чужих, других*: он называет их *тон биис* ‘мерзлый род’. Тогда как он сам себя характеризует как «уу саха», используя такие признаки, как *инчэбэй эттээх* (букв. ‘с мокрым телом’), *приэнэх хааннаах* (букв. ‘с талой кровью’), *уу харахтаах* (букв. ‘с водяными глазами’). Подобную семантическую нагрузку несет и определение *тон нуучча* (букв. ‘мерзлый русский’) в значении ‘русский, совершенно не владеющий якутским языком’.

² Eliade M., Diószegi V. Shamanism religion. URL: <https://www.britannica.com/topic/shamanism/Worldview> (accessed 04.05.2019).

2. Меры обозначения сакральных понятий о дали

Помимо географического пространства понятия близости и дали применяются и по отношению к сакральным мирам, которые остаются за гранью знаний простого человека [Smith III, 2011. С. 618]. В понимании якутского человека понятие «неизведанный мир» ассоциировался с разными представлениями. Якут был убежден, что за горизонтом его видения есть другие сферы, которые представляют для него интерес и вместе с тем могут быть для него опасными. Про такие неизвестные ему миры он говорил:

– *үөдэн (үөдэн дойдута)* ‘нижний мир, преисподняя, ад’ (ср. п.-монг. *егүдэн* ‘дверь’). Фразеологическая единица *үөдэн түгэбэ* ‘у черта на куличках’. *Хайа үөдэн айабар (түгэбэ) түстүг?* *Ханна түһэн хааллын?* ‘Куда ты запропостился? (Букв. Куда ты провалился?)’.

Өтүгэн төрдө, Ньүкэн түгэбэ, Өлүү чөркөчүөх – вход в нижний мир демонов-*абаасы* – это мифологические образы далекой темной периферии, преимущественно обозначающие демонские территории, чуждые людям *айыы* и тяжело поддающиеся измерению.

Стоит заметить, что по мере освоения новых территорий и изменения ареала жизни понятие центра смещается. Этим можно объяснить, к примеру, разрозненность в понимании центра в монгольской и якутской культурно-языковых традициях³. В географическом ландшафте монгольского народа земля, мать-земля и гора-прародительница (в смысле центр) обозначены словом *Этуген-эхе* ‘мать-земля’. Согласно Т. Д. Скрынниковой слово «*Этуген*» – «домонгольского (тюркского) происхождения и прежде символизировало центр, тогда как имеющее монгольские параллели якутское слово *өтүгэн* (вариант – *үтүгэн*) обозначает у якутов страшную даль, периферию, место обитания *абаасы* (злых духов) [Скрынникова, 2005. С. 43].

Мотив освоения земли, нового пространства, а значит, раскрытие новых горизонтов в познании человека, наиболее широко раскрывается в романах якутского писателя В. С. Яковлева-Далана «Глухой Вилюй» (1983) и «Тыгын Дархан» (1993) и может быть рассмотрен в раскрытии концептов **расстояния**, **дороги**, имеющих непосредственное значение в эволюционном развитии героя. Особое значение обретает в романах гносеологический принцип освоения пространства: способ познания природного внешнего мира аналогичен познанию своего внутреннего мира.

Модель освоения пространства, отраженная в романах, отчетливо прослеживается в пути-переходе главной героини девочки Ньырбачаан. Персонажа закрытого пространства (девочку-сироту из Глухого Вилюя) ведет путь, горизонтальная ось, представленная архетипом реки Лены, связывающая периферийное пространство Глухого Вилюя и центральное (открытое) великой Туймаады. Однако если Ньырбачаан представляется персонажем, освоившим лишь географическое пространство, то еще большей способностью преодоления расстояний обладают другие герои романов: удаганка Тыаһааны, шаманы Эргис, Лүксүрэни, которые имеют возможность раздвигать границы пространства и времени. Вызов души с Небытия-Кыраман, разговор с духом умершего брата и пр., вознесение в дьябын показаны наиболее колоритно.

В аспекте рассматриваемой темы весьма любопытно развертывание концепта «даль» в связи с сюжетом о смерти и бессмертии. **Путь в даль** как инвариант пути сакрального значения имеет в романе особую смысловую нагрузку. *Кыраман*, *Быраман*, *Дьябын* как образы Небытия в якутской культуре используются в качестве понятий, выражающих сакральные дали, куда устремляются души умерших шаманов.

Кыраман используется в значении ‘далшний, далекий, чрезвычайно далекий’. Кыраман дойду. Кыраман сир. Кыраман ыраах дойду. *Сурдьум Кэрэмэс, эн туохтан суорума суолламмыккын билээри ол Кырыыстаах Кыраман сириттэн, Ытылбан ынырык*

³ Bobrowsky P., Cronin V., Capua G., Keiffer S., Peppoloni S. The Emerging Field of Geoethics. URL: <https://www.academia.edu/RegisterToDownload#RelatedPapers> (accessed 22.02.2019).

дойдутуттан эйигин бу Орто дойдуга күүрэттим [Яковлев, 1993. С. 449]. ‘Брат мой Кэрэмэс, я вызвала твой дух из далекой и проклятой страны Кыраман, из мира страшного хаоса Ытылган, чтобы узнать страшную правду твоей смерти’.

Близким семантическим оттенком наделено слово *быраман*, которое также обозначает даль: *быраман дойду* ‘очень дальний, отдаленный, давний’. *Былыргы былдьаһыктаах дьылларым Быһылааннаах быраман мындаатыгар*. П. Ойуунускай [ТСЯЯ II, 2005. С. 731–732]. ‘На далекой вершине давних лет, На отдаленном хребте минувших лет’.

Данные слова могут быть использованы в контексте мотива смерти и бессмертия, называя загробный мир, далекую страну предков.

Другой вариацией дороги в даль явилось поднятие духа удаганки Тыаһааны в дьабын ‘место пребывания злых духов, загробный мир, куда отправляются души умерших шаманов’, которая, не смирившись с радикальными жизненными принципами отца-завоевателя Тыгын Дархана, посредством шаманских заклинаний верхом на шаманском матери-звере Кэй Тугут Кыыл устремляется в небо. Дьабын (небо, небытие) представляется удаганке как далекая прекрасная солнечная страна:

«Мин манна аны тардыллыбаппын – ханнык даҕаны хара мэн сыстыбатах, тахсан эрэр күн күлүмүн, киирэн эрэр күн килбиэнин курдук ыраас-килбиэн сардангалаах сана кирбиигэ – сырдык ыраас Дьабыммар көтөбүн» [Яковлев, 1993. С. 456]. (‘Здесь меня не держит ничто, и я улетаю в беспорочно чистый, сияющий, как рассветное солнце, и блистающий, как закатное солнце, светлый мир – в страну Джабын’) (пер. – А. Шапошникова) [Яковлев, 1993. С. 390].

Человек, создавший центр в пределах своего ментального поля, становится осью вселенной, сконцентрировав вокруг себя весь окружающий мир, спектральные координаты не освоенного никем, пустого, хаотичного пространства. Персонажи романов В. С. Яковлева-Далана воспринимаются нами поэтому как одни из первых героев, освоивших пространственные дали и получающих в процессе преодоления далеких расстояний духовное обновление, самоутверждение.

Заключение

Посредством противопоставления пространственных оппозиций центра и периферии, в оценке которых особое место отводится мерам длины, человек вступает в коммуникативные отношения с окружающей реальностью, что является ярким показателем эволюции ландшафтного сознания, в процессе которой показаны сложные трансформации в переустройстве социально-общественного порядка, культурных основ жизни народа и, в первую очередь, самого человека, освоившего это пространство.

Специфика культурно-языковых модификаций, отражающих сложный процесс отношений между человеком и осваиваемым им миром, является показателем эволюции ландшафтного сознания человека, который претерпевает изменения от физико-географических до сакральных представлений и знаний о пространстве. В результате изучения двух сегментов якутской картины мира, *освоенной* среды проживания *туөлбэ*, состоящей из топологической реальности двора-тиэргэн (дома, юрты, урасы), сенокосных, охотничьих угодий, и *неосвоенного* мира в виде чужой далекой периферии (темного леса, песчаных пустынь, болотистых местностей, заброшенных домов, ущелий, пещер и пр.) можно сформулировать следующие выводы.

В восприятии пространственных реалий презентуются совершенно различные характеристики и способы мер длины.

В радиусе «своего» освоенного пространства якут использует в основном антропометрический способ измерения, обращаясь к терминам, имеющим общетюркские и древнерусские корни, которые обозначают названия частей тела (*ытыс, мурун, харах, тутум, сүөм, харыс, былас, арсыын, саһаан*).

Для определения далеких расстояний используются термины параметрии с функционально-семантической нагрузкой динамической возможности человека (*саа тэбиштэ, куннук сир, бардар бараммат, атах балай, тилэх, үөдэн түгэбэ* и пр.).

Деление окружающего мира в рамках бинарной оппозиции свой / чужой позволяет трактовать пространственные представления народа о мире как о пространстве жизни и смерти. Якут ассоциативно связывает освоенную близкую ему среду с домом, теплым очагом, рождением, а даль представляется ему в качестве страшной периферии, места смерти. Поэтому в этом аспекте темы помимо реальных географических мест, относящихся к дали, краю, вполне логично рассматривать и такие понятия ирреального пространства, как *Өтүгэн төрдө, Ньүкэн түгэбэ, Өлүү чөркөчүөх* (мифологические образы “демонических” территорий), а также образы Небытия и Смерти, закрепленные в якутской шаманской культуре и представленные понятиями *Кыраман, Быраман, Дьабын*, наделенными сакральными значениями временных и пространственных далей.

В понятии «Сибирь», имеющем для якутов значение неопределенного по ширине и дали необъятного пространственного ареала, предугадывается историко-генетический опыт народа-кочевника, который до прихода на нынешнюю область проживания в прошлом мог пройти, пересечь огромные территории Сибири, образ которой впоследствии мог тесно связаться в народном сознании с поиском места (сир) и неким опытом преодоления пространств.

Таким образом, традиционные способы измерения близости и дали, центра и периферии, отраженные в фольклорно-художественных источниках, глубоко связаны с мироощущением человеком окружающего пространства, с характером его экзистенциальных границ в сложном меняющемся мире.

Список литературы

- Асадулаева П. У.** Названия старинных мер измерения в кумыкском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 12, ч. 2. С. 22–24.
- Лебединская В. Г.** История русской метрологической терминологии: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014. 475 с.
- ПЭК СЯЯ – Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка. В 3 т. Л., 1959. Т. 1. 3895 стлб.
- Скрынникова Т. Д.** Сакральное пространство // Гуманитарная география: науч. и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. М.: Ин-т наследия, 2005. Вып. 2. С. 370–372.
- ТСЯЯ – Толковый словарь якутского языка:** В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1. 680 с.; 2005. Т. 2. 912 с.; 2011. Т. 8. 572 с.
- Топоров В. Н.** Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
- ЯРС – Якутско-русский словарь /** Под ред. П. А. Слепцова. М.: Сов. энцикл., 1972. 605 с.
- Яковлев В. С.-Далан.** Тыгын Дархан. Якутск: Бичик, 1993. 512 с.
- Fullmer I.** Dimensional metrology: Subject-classified with abstracts through. National Bureau of Standards (U.S.), 1966, 332 p.
- Hannerz U.** Center-Periphery Relationships. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed., 2015, P. 308–311. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/center-periphery> (accessed 30.04.2018).
- Smith III J., Heuvel-Panhuizen M., Teppo A.** Learning, teaching, and using measurement: introduction to the issue. *ZDM: the international journal on mathematics education*, 2011, no. 43 (5), p. 617–620.

References

- Asadulaeva P. U.** The name of the ancient measures in the kumyk language. In: Philological Science: Theory and Practice. Tambov, Gramota, 2014, no. 12, pt. 2, p. 22–24. (in Russ.)
- Explanatory dictionary of the Yakut language. In 15 vols. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1, 680 p.; 2005, vol. 2, 912 p.; 2011, vol. 8, 572 p. (in Russ. and Yakut)
- Fullmer I.** Dimensional metrology: Subject-classified with abstracts through. National Bureau of Standards (U.S.), 1966, 332 p.
- Hannerz U.** Center-Periphery Relationships. In: International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd ed., 2015, P. 308–311. URL: <https://www.sciencedirect.com/topics/social-sciences/center-periphery> (accessed 30.04.2018).
- Lebedinskaya V. G.** The history of the Russian metrological terminology. Doct. Phil. Sci. Diss. Moscow, 2014, 475 p. (in Russ.)
- Pekarskiy E. K. Yakut language dictionary. Vol. I. L., 1959. 3895 column. (in Russ. and Yakut)
- Skrynnikova T. D.** Sacred space // Humanitarian geography: scientific, cultural and educational almanac. Moscow, 2005, iss. 2, p. 370–372. (in Russ.)
- Smith III J., Heuvel-Panhuizen M., Teppo A.** Learning, teaching, and using measurement: introduction to the issue. *ZDM: the international journal on mathematics education*, 2011, no. 43 (5), p. 617–620.
- Toporov V. N.** Space and text // Text: semantics and structure. Moscow, Nauka, 1983, p. 227–284. (in Russ.)
- Yakut-Russian dictionary. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya, 1972, 605 p. (in Russ. and Yakut)
- Yakovlev V. S.-Dalan.** Tygyn Darhan. Yakutsk, Bichik, 1993, 512 p. (in Yakut)

Материал поступил в редколлегию

Date of submission

14.05.2019

Информация об авторах / Information about the Authors

Иванова Ирина Борисовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, Россия)

Irina B. Ivanova, PhD in Philology, Fellow Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, Russian Federation)

imenaotglagola@rambler.ru

ORCID 0000-0003-0361-5708

Ноева (Карманова) Саргылана Еремеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ФИЦ СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, Россия)

Sargylana E. Noeva (Karmanova), PhD in Philology, Research Fellow, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS (1 Petrovsky Str., Yakutsk, Russian Federation)

nosaer37@yandex.ru

ORCID 0000-0002-2957-5233